

ИГОРЬ МАРАНИН

Неестественный отбор

РАССКАЗЫ О ЖИЗНИ В XX ВЕКЕ

Игорь Маранин

**Неестественный отбор.
Рассказы о жизни в XX веке**

«Издательские решения»

Маранин И.

Неестественный отбор. Рассказы о жизни в XX веке /
И. Маранин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853146-0

Чем старше я становлюсь, тем чаще копаюсь в пыльном мешке своей памяти, пытаюсь обнаружить там что-нибудь необычное. Мешок этот не имеет дна, его нельзя перевернуть и высыпать содержимое на пол. Остаётся только засунуть руку внутрь и попытаться найти воспоминание на ощупь. Слава Богу, среди них совсем мало зубастых чудовищ, способных откусить руку по локоть.

ISBN 978-5-44-853146-0

© Маранин И.
© Издательские решения

Содержание

Мрачный дом по улице Красноярской	6
Братья наши меньшие	9
1. Хмельное лето бакенщиков	9
2. Дед и волчица	12
3. Благодарная змея	14
4. Хеська	16
Неестественный отбор	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Неестественный отбор

Рассказы о жизни в XX веке

Игорь Маранин

© Игорь Маранин, 2017

ISBN 978-5-4485-3146-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мрачный дом по улице Красноярской

Чем старше я становлюсь, тем чаще копаюсь в пыльном мешке своей памяти, пытаюсь обнаружить там что-нибудь необычное. Мешок этот не имеет дна, его нельзя перевернуть и высыпать содержимое на пол. Остаётся только засунуть руку внутрь и попытаться найти воспоминание на ощупь. Слава Богу, среди них совсем мало зубастых чудовищ, способных откусить руку по локоть.

Я почти не помню свой первый дом: только часть комнаты с окном, выходящим в огород. Воспоминания эти не столько видимы, сколько ощущаемы: горячо от русской печи в углу, мрачно от тусклого света в комнате, страшно от вешалки с верхней одеждой – свои плащи и пальто снимали и оставляли там незнакомые взрослые гости.

Чуть больше я помню двор: перевернутую вверх дном металлическую лодку, лежавшую на специальных подпорках – так, что под неё можно было забраться, как под навес (может быть, память моя такая же фантазёрка, как и воображение, но мне кажется, однажды я спасался под этой лодкой от дождя). Высокие деревянные ворота, через которые могла пройти лошадь с подводой. Ни лошади, ни подводы в мешке моей памяти нет. Просто тот дом был гораздо старше меня – вероятно, его построили ещё до революции: в этой части города на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков оседали переселенцы. Перпендикулярно улице 1905 года (тогда – Переселенческой) одна за другой появлялись улицы Омская, Томская, Иркутская, Енисейская, Красноярская... Мы жили на Красноярской. Отопление было печное, «удобства» – во дворе (стоило задуматься об этом, как в памяти всплыл ночной горшок, но, пожалуй, я оставлю его в мешке вместе с содержимым). Воду возили из колонки, и это подарило мне одно из самых ярких детских воспоминаний: заснеженная улица Красноярская, сани с флягой и со мной в придачу, и северная лайка Рафа, запряжённая в них, словно настоящая ездовая собака. Ехать приходилось далеко – до улицы Железнодорожной и по ней направо – до Бурлинского переезда, который ещё долгое время казался мне неким сказочным местом, переходом в иной мир за железной дорогой. Сейчас я думаю, что были наверняка колонки и ближе, просто взрослые устраивали прогулку для меня и для Рафы.

Со всеми домами, дачами и квартирами, где я жил (а переезжали мы не раз и не два) у меня складывались особые отношения. Я их чувствую кожей и сердцем: кожей – опасность, сердцем – любовь и защиту. Точно так чувствовал свою пещеру дикарь во времена одичания людей после Потопа. Может быть, это проснулось во мне через много поколений, а может быть, это присуще всем людям – не знаю. Первый дом был не просто чужим мне – он был чуждым. Что-то случилось в его прошлом, что-то нехорошее и преступное и так и не смылось вешними водами времени с изнанки, невидимой глазу.

О соседях я не помню ничего. Только очень смутно пространство за воротами дома, улицу, деревья и каких-то людей, вечно толкущихся у дворов через дорогу. После мрачного дома вынутая из мешка памяти улица видится яркой и залитой солнечным светом. Справа от ворот лежали, кажется, ошкуренные брёвна, а чуть дальше располагался перекрёсток с улицей Переселенческой.

Хозяин двора напротив имел большой богатый дом, несколько судимостей, хорошие связи и работал заведующим большим магазином. Это был пожилой, но ещё бодрый человек, который иногда заходил к нам в гости, приятельствовал с отчимом и даже иной раз выезжал с моими родителями на рыбалку. Жил он с дочерью священника Вознесенской церкви, девицей на двадцать четыре года себя младше. Брак этот был у заведующего не первым и не вторым, но скорее всего последним: дочь священника, в конце концов, сбежала с молодым адвокатом, а сам сосед постепенно спился.

Рядом с усадьбой заведующего стоял двухэтажный коммунальный дом, несколько просторных комнат которого занимала семья профессора. Родители мои общались с профессорским сыном, называя его странным именем Вилорик. Он пошёл по стопам отца, но ушёл недалеко: окончил институт и жил в своё удовольствие. Профессор с женой жили недолго, но умерли в один день, оставив после себя комнаты, огромную библиотеку и массу редких вещей, привезённых главой семьи из заграничных командировок. Их гибель стала настолько сильным потрясением для Вилорика, что он ушёл в долгий загул и вышел из него чуть ли не через год, когда участковый милиционер пришёл описывать имущество за долги. Милиционер окинул намётанным глазом обстановку (прекрасные комнаты, огромная библиотека, масса редких и дорогих вещей), затем исхудавшего небритого хозяина с ввалившимися глазами и мутным взглядом и предложил сделку: долг он берёт на себя, а Вилорику оставляет комнатушку, где до революции жила прислуга и (тут представитель власти великодушно махнул рукой в сторону книжных полок) возможность забрать с собой какую-нибудь редкость. Запуганный и мало соображающий хозяин («тюрьма—тюрьма—тюрьма», – стучал в голове молоточек) согласился. Он взял с собой тяжёлые и уродливые статуэтки, привезённые, по словам отца, из Индии. На пороге комнаты Вилорик остановился, будто что-то припомнив и вернувшись к отцовскому столу, выгреб оттуда в сумку все рукописи. Это было жалкое зрелище: небритый великовозрастный профессорский сынок, допившийся до чёртиков в глазах, покидал родное гнездо, одной рукой волоча за собой по полу сумку с вещами и рукописными тетрадками, а другой прижимая к груди многоруких индийских чудовищ. Наверное, в этот момент Судьба над ним и сжалилась. Со дна на поверхность Вилорика вытащил институтский друг. Вылечил от алкогольной зависимости, устроил на работу, заставил заниматься наукой. Отсудить обратно комнаты не удалось, милиционер оказался тёртым калачом, но с этого момента удача взяла над исправившимся сыном профессора шефство. Унесённые статуэтки оказались... золотыми, лишь покрашенными сверху для безопасности серебрянкой. А рукописи отца подтолкнули Вилорика и его друга к открытию, за что они получили самую настоящую научную премию. Вскоре он уже жил в новых апартаментах – и ни где-нибудь, а на главной улице города – Красном проспекте.

Всё это я, конечно, узнал позже. Но и судимый завмаг, и милиционер—мошенник, и история с профессорским золотом укладывалась в моей голове на уже подготовленную почву, центром которой был мой первый дом. Мрачный дом номер 121 по улице Красноярской. Отчим купил его за несколько лет до того, как познакомился с моей мамой, а кто владел этим зданием раньше, так и осталось для меня тайной. На Красноярской мы прожили, кажется, года два, а затем перебрались в пригородный посёлок при аэропорте «Толмачёво». Отчим передал недвижимость своей двоюродной сестре, но та вскоре получила квартиру в знаменитом Доме грузчика на Фабричной. И Мрачный Дом нашёл свою последнюю хозяйку – ещё одну двоюродную сестру отчима по имени Л. Говорят, она была красивой и непутёвой, совершенно «безбашенной», как сказала бы современная молодёжь. Рано начала самостоятельную жизнь, нигде не училась, работала официанткой в ресторане и была крепко связана с воровской братией. Неудивительно, что Мрачный Дом быстро превратился в обычный притон, вызывая головную боль у соседей и милиции. Однажды, в конце семидесятых, отчим зашёл туда и чуть—чуть не был убит: пьяная сестра успела закричать своим собутыльникам:

– Это мой брат! Мой брат!

В грязном помещении вповалку спали несколько человек, пахло потом и сыростью, ошмётки обоев свисали со стен, в разбитое оконное стекло дул ветер, а печь топили досками, сорванным с пола. Л. закончила свою жизнь почти как Анна Каренина с поправкой на своё криминальное окружение: её сбросили на рельсы с переходного железнодорожного моста. Через

некоторое время отчима вызвали в милицию: во время обыска в полуразрушенном Мрачном Доме под оставшимися досками пола была обнаружена отрубленная человеческая голова.

Ни одно из этих трёх зданий не сохранилось. Все их снесли в восьмидесятые годы, когда вместо частного сектора был отстроен Челюскинский жилой массив. Под каким-то из его зданий и покоятся останки моего первого дома...

Братья наши меньшие

1. Хмельное лето бакенщиков

Сорок лет назад достаточно было отъехать по Оби полсотни километров от Новосибирска, и ты попадаешь в глухие, почти дикие места. В одном из таких мест под названием Седова Заимка жили бакенщики. Бакенщик по сути своей рабочий—сторож при бакенах, небольших плавучих сооружениях в виде красных или белых «пирамидок», обозначающих судоходную часть реки – фарватер. Со стороны работа кажется простой: зажигаешь вечером, тушишь утром, а весь день занимаешься рыбалкой, охотой или собственным огородом. Но на самом деле это совсем не лёгкий и очень ответственный труд. У каждого бакена было строго своё, индивидуальное место. Это место обозначала вешка – небольшая жёрдочка, привязанная специальной мочальной верёвкой к донному камню и на несколько десятков сантиметров торчащая из воды чуть выше по течению. Случалось так, что пароход или баржа «не вписывались» в фарватер и срывали бакен. Вешка же, пройдя под днищем, снова появлялась на своём месте. Пока поставишь сорванного «бедолагу» на место у вешки – семь потов сойдёт. В более ранние времена даже специальные ночные вахты полагались на этот случай: вдруг сбитый бакен унесёт в сторону от судоходной части реки и его огонёк собьёт с курса следующее судно. В некоторых местах, опасных для фарватера наносом песка, который вода перемещает по дну, раз в несколько дней бакенщики обязаны были тщательно промерять глубину специальной наметкой. Глубокой осенью, после завершения навигации, все бакены снимались с реки и складировались на берегу, а по весне – расставлялись вновь.

В отличие от путевого обходчика на железной дороге бакенщик никогда не работал один – ему полагались помощники. Вот и на Седовой Заимке трое молодых парней работали и жили всю навигацию вместе, на одном посту. Ребята они были озорные, любители охоты и рыбалки да за неимением в этом медвежьем углу иных развлечений – не дураки выпить. Но денег мало, дел полно, магазин далеко, так что особо не разгуляешься. Разве что туристы иногда угостят, их в шестидесятые появилось на Оби немало: ставили палатки на речных островах да по берегам Оби. Впрочем, выпало на долю бакенщиков Седовой Заимки одно вполне хмельное лето. А дело было так...

Однажды весенним утром разбудил бакенщиков громкий шум. Пёс, привязанный к будке, захлёбывался во дворе лаем, и было в этом лае что-то визгливое и испуганное. На человека так не лают, только на зверя, но какой зверь может испугать большую взрослую собаку? Повскакав со своих кроватей, парни выскочили на крыльцо и увидели, как по двору вразвалочку бродит медвежонок. На собаку он не обращал никакого внимания, словно её и не было вовсе. Медведи в сосновых лесах новосибирского Приобья – явление не такое уж исключительное в те времена. Спариваются они в середине лета, а рождает медведица в берлоге зимой или в начале весны. Но одинокий трех—четырёхмесячный малыш без матери, подошедший к человеческому жилью – действительно редкость. Медвежонок тем временем покосился на вышедших из избы людей и жалобно заревел. Парни переглянулись и осторожно подошли поближе. Медвежонок уселся на землю и заревел ещё жалобней.

– Жрать хочет, – сказал один из бакенщиков.

Незваному гостю вынесли еды и накормили. Медвежонку такое отношение понравилось. Наевшись, он принялся играть, бегая за парнями. При этом никакой агрессии не проявлял, и даже когда ему удалось кого-то поймать, просто повалил на землю – мягко, аккуратно, не выпуская когтей. И тут же отошёл в сторону: мол, я тебя догнал, давай играть заново. Парни,

сообразив, что приبلудившийся зверь пока что не опасен, включились в игру и завели, его играя, обратно в лес. А затем, кинувшись в разные стороны, вернулись домой. Но не тут-то было! Через несколько минут у них во дворе объявился и медвежонок.

Бакенщики вернулись в дом, посоветовались между собой, и один из них отправился в деревню: договариваться с водителем грузовика. Водитель, коротконогий небритый мужичонка в тельняшке, долго пыхтел папиросой, сетуя на нехватку бензина, на маленькую зарплату, на суровое начальство – набивал цену. Высокий бородатый бакенщик сочувственно кивал головой, а на вопросы отвечал уклончиво: груз, мол, небольшой, но негабаритный. Везти придётся осторожно, зато не сильно далеко. Тридцать километров туда, тридцать обратно – в общем, часа за полтора—два обернёмся по нашим дорогам. Наконец, ударили по рукам.

– Грузить сами будете, – предупредил шофёр. – Я только баранку кручу.

И, попыхивая очередной папиросой, отправился в совхозный гараж за машиной.

Когда подъехали ко двору бакенщика, тот веско сказал:

– Ты из машины не выходи, мало ли...

– Что мало ли? – не понял шофёр.

Бакенщик не ответил. Открыл дверцу, встал на ступеньку кабины и принялся оглядывать пустой двор. Над двором висела подозрительная тишина. Не лаяла собака, не рычал медведь, не ходили люди. Даже вездесущие вороны и те не каркали. Казалось, этот маленький кусочек мира вымер...

– Эй, парень, – забеспокоился шофёр. – Ты чего там выглядываешь?

Бакенщик промолчал. Спрыгнул на землю и направился к избе. За то время, пока его не было, могло случиться что угодно. Но к большому его облегчению дверь в доме отворилась, из-за неё высунулся напарник и крикнул:

– Борт открывай! Они за домом. Да скамью подтащи, чтоб забрался, я мясо принесу.

– Кто за домом? – всё больше нервничал шофёр. – Какое ещё мясо?

– Скоро узнаешь, – хмыкнул бакенщик и ехидно добавил. – Ты, главное, в кабине сиди, не высовывайся – ты ведь только баранку крутишь.

Фраза эта, однако, не успокоила коротышку в тельняшке, а даже наоборот – ещё сильнее напугала. Чувствуя, что дело нечисто и его втянули в какую-то авантюру, шофёр метался по кабине своего грузовика, то поглядывая в заднее окошко, то высовываясь из машины. Пару раз он даже схватился за ключ зажигания, намереваясь убраться восвояси, но не решился. А когда из дома вышел второй бакенщик, неся большой кусок сырого мяса на длинной деревянной палке – не выдержал, выскочил из машины.

– Это что вы задумали?! – засуетился он. – Это для кого вы мясо тащите?

– Медведя приманивать, – ответил тот из напарников, что полез в кузов.

– Какого медведя, мать вашу?! Вы на охоту собрались?! Не повезу!!

И в этот момент позади шофера раздался громкий медвежий рёв. От неожиданности он присел и, стоя на полусогнутых ногах, медленно повернул голову на тонкой шее, вывинчивая её из тела, словно большой заржавелый болт. Руки его были согнуты в локтях и разведены, придавая коротышке—шофёру вид испуганной мультяшной курицы. Увидев за низким заборчиком медведя – живого, настоящего, хоть и маленького – водитель пробормотал несколько раз «ммма—ма» и, не разгибаясь, засеменил к кабине.

– Я тебя предупреждал! – хохотнул бакенщик—бородач.

Операция по водружению медвежонок в грузовик прошло как по маслу. К тому времени зверь проголодался и, забравшись в кузов, принялся радостно рвать кусок мяса зубами. Он даже не обратил внимания, как борт за ним лихо закрылся, и бородач влетел в кабину. Через минуту машина взревела, словно сама была большим механическим медведем, и рва-

нула по дороге в лес. Мишка не устоял на ногах, завалился на бок и тоже заревел – от обиды и испуга. Ругался он, впрочем, совсем недолго и вскоре замолчал, не понимая, что происходит и как так получается, что он стоит на месте, а окружающий мир несётся мимо. Ещё через пару километров оказалось, что медвежонок обладает на редкость жизнерадостным и весёлым характером: езда в кузове машины... ему понравилась. Пришёл в себя и водитель грузовика.

– Ну, вы даёте, мужики! – восхищённо повторял он. – Это ж кому расскажи – не поверят!

Несколько дней после операции «Медведь в грузовике» бакенщики вспоминали об этой забавной истории, посмеиваясь друг над другом да представляя, как они будут рассказывать об этом происшествии знакомым во время зимних «каникул». Жизнь вернулась в привычное русло: бакена важно покачивались на реке, собака лаяла только на проходящих мимо туристов, вороны каркали по поводу и без оного – в общем, как обычно. А затем, опять же утром, во двор влетел радостный медвежонок. Судя по всему, он думал, что нашёл потерявшихся друзей. Более того, теперь он собирался поселиться у них навсегда.. И мужики смирились с неизбежным. Ну не убивать же его, в конце концов. Рука не поднимается.

За пару месяцев медведь возмужал, обжился, мирно переругивался с собакой, спал во дворе и совершенно не обращал внимания на ползавших по нему народившихся щенков. Его стали привязывать, он терпел. Его принялись дрессировать, он с удовольствием включался в «игру». И у бакенщиков родилась необычная идея...

...Едва вездесущие туристы из города приплывали на отдых к Седовой Заимке, обустроивались, накрывали «стол», выставляя съестное и водку, как бакенщики отвязывали медвежонка и отпускали на прокорм. Тот добродушно косолапил на берег, туристы в ужасе бросались к лодкам и отчаливали, а медвежонок лакомился съестными припасами. А затем брал бутылку и, выдрессированный бакенщиками, откатывал её лапой подальше от берега в кусты, а то и к самому дому. Хмельное было лето у бакенщиков. Но всё же закончилось и оно. Нет—нет, ничего не случилось, просто медвежонок вырос. Теперь это был уже подросток и как бы он не дружил с людьми, все—таки зверь. Бакенщики пригласили знакомого шофера, распилили с ним последнюю добытую у туристов бутылку и отвезли медведя в зоопарк.

2. Дед и волчица

Цепочка волчьих следов на снегу аккуратна и изящна, как каллиграфический почерк учителя чистописания. Волк бежит, ставя заднюю лапу точно за передней, на самых кончиках пальцев, не касаясь пятками земли. Его ведут нос и уши: они способны засесть жертву за несколько километров. Но эти следы были не такими: мелкими, неуклюжими и смазанными. Сосновый бор просторен и светел, здесь всё на виду – читай как книгу. Увидев неразборчивую надпись, егерь остановился, нахмурился, но всё же прочитал: маленький волчонок с перебитой лапой. Через несколько минут егерь нагнал и самого автора надписи. Ухватил рукой за загребок, поднял – сломанная лапа зверя болталась на одной шкурке. Природа жестока к слабым, волки знают это лучше других, они её санитары. Волчонок был не жилец: в стаю не примут, в одиночку не прокормится. Немного подумав, егерь вытащил нож и отсек лапу, обработал культю, перевязал и забрал найдёныша домой.

Собаки – их было пять штук в хозяйстве – зашлись в лае, едва почувствовав запах волка. Егерь пронёс его на руках в отгородку и оставил там, чтобы не разорвали. Закрыв плотно дверцу, направился к дому и уже на крыльце понял: ошибся. Огромный лохматый пёс по кличке Дед запросто перемахнул через забор. Значит, не судьба волчонку выжить, зря принёс. Ещё пара «букв» ногами и окончится рассказ, написанный щенком, большой жирной красной точкой. Свою кличку Дед получил за потешную «бородку» на морде, но больше ничего потешного в нём не было – свирепостью своей он сам напоминал волка. Пёс обнюхал щенка, фыркнул, помотав головой, снова обнюхал и, развернувшись к собакам, глухо залаял. Собаки смолкли: волчонок оказался самкой, и Дед взял её под защиту.

Волчья стая живёт по своим строгим законам. Есть вожак, он верховодит над самцами. У вожака есть подруга – хозяйка стаи. Она руководит всеми самками, поддерживая среди них порядок. И все решения эта монаршья пара обычно принимает вместе, пока не случится в стае монархический переворот, и самодержца не свергнёт удачливый претендент. Через год, когда маленькая волчица подросла, она уже считала себя хозяйкой новой семьи. Характер у неё оказался сильным, царским: спуску не давала никому, несмотря на то, что передвигалась не быстро и на трёх лапах. Егеря волчица скорее терпела, чем любила. Это собаки считают хозяина вожаком стаи, а для неё вожак был один – Дед.

Егерь – профессия беспокойная. Главная его задача – охрана и помощь животным. А это ежедневные объезды территории, устройство кормушек для зверя, подсчёт его численности, контроль за туристами и охотниками. Он и сам прекрасный охотник, рыболов и даже агроном: во многих хозяйствах егеря засевают специально отведённые поля пшеницей и овсом, делая запасы для будущих кормушек. А ещё это весьма опасная профессия. Дикий зверь не делит людей на хороших и плохих, для него любой человек – угроза. В одну из зим в конце шестидесятых, неожиданно лютую, к дому егеря, покинув свою территорию, пришла волчья стая. Плохой год был для зверя, голодный. А тут скотина, куры, пища. Услышав лай собак, егерь выскочил на крыльцо и обомлел. Даже он никогда не видел столько волков сразу. В рассыпную, словно опытный штурмовой отряд, они рассредоточились за забором, оценивая обстановку. Во дворе сходили с ума собаки: впереди Дед – шерсть дыбом, лай хриплый, простуженный. Егерь кинулся за ружьем, выскочил обратно, но тут между собаками, прыгая на трёх лапах, вышла вперед волчица и встала рядом с Дедом. Встала и завывала. Никогда раньше не слышал егерь такого воя. В нём была страсть и угроза, отчаяние и решимость. Изредка вой примолкал, и тогда было слышно, что волки отвечают. И вновь волчица принималась выть. Застыл

на крыльце егерь, прекратили лаять собаки, а этот странный «разговор» всё длился и длился. Две стаи разговаривали друг с другом. И та, что пришла на чужую территорию, отступила.

Волчица и Дед прожили долго. Но щенков она принесла ему только один раз. Егерь раздал их в деревне, оставив одного себе. Дед помер первым. Его закопали в стороне, за оградой, и всю ночь волчица выла на его могиле. А на утро ушла в лес. Ничто больше не держало её в этом месте: стая перестала существовать со смертью вожака.

3. Благодарная змея

В начале семидесятых годов доживала на Оби свой век старая деревня Алфёрово. Был это глухой лесной угол с десятком раскиданных по берегу реки домиков старожилов, парой десятков самовольных дач горожан—лодочников и небольшим старым кладбищем, где когда-то был похоронен отец Гриши. Деревня давно уже не дотягивалась до своего кладбища, оно расположилось в лесу, на высокой стороне древней, почти непроезжей дороги. С обратной стороны к дороге подступала поросшая осинами топь – болото. К концу лета оно почти пересыхало, можно было перейти его напрямик и попасть в грибной светлый сосновый бор. Но грибники предпочитали обходить болото, благо оно было не такое уж и большое.

В те времена между кладбищем и остатками деревни встречались ещё следы старого поселения: глубокие ямы на месте бывших домов, щедро усыпанные жгучей зелёной крапивой. Стоял и древний столб, позже пущенный дачниками на дрова. На столбе том висела табличка, указывающая в сторону кладбища с надписью «Село Помыткино – 6 км». Но никакого Помыткино за кладбищем уже не существовало. Там были Бугры – грибные места на холмах с голубым мхом, высокими соснами и редко стоящими пожарными вышками. Ступеньки на вышках давно прогнили, залезать по ним было боязно, зато с верхней площадки открывался замечательный вид на бесконечное зелёное лесное море. В глубине этого моря встречались лоси и зайцы, барсуки и лисы, и даже медведи – правда, такой случай я помню лишь один. Собирая дикую малину, мы с мамой наткнулись на медвежонка. Мама схватила ведро – оно было из нержавеющей стали, литров на пятнадцать – и принялась громко стучать. Медвежонок испуганно шарахнулся и задал дёру. А мы побежали в противоположную сторону. Нередко попадались в окрестностях и змеи: чаще – безобидные ужи, выползающие погреться на солнышко, на дорогу, реже – гадюки, их просто так и не заметишь, особенно если они улягутся на толстой ветке дерева, сливаясь с ней.

Берега в этих местах то взмывают к небу, то падают обратно к обской воде, а у самой реки растут вётылы – серебристые ивы с тонкими стволами и тёмно—серой, в глубоких продольных трещинах, корой. Сейчас на месте Алфёрово раскинулся большой дачный посёлок, среди первых «поселенцев» которого были и Гриша с Эммой. Наша дача стояла на высокобережье, и за водой в первые годы (колодца нет, колонка – далеко) приходилось спускаться по лесенке к Оби. А потом таскать её наверх вёдрами. Затем в городских магазинах появились специальные электрические насосы: устанавливались они прямо в реку и по длинным шлангам перегоняли воду в огород. Для полива шланг подключался к «вертушке», распыскивающей воду на манер фонтанчика.

Первым среди дачников такой насос купил наш сосед, и на демонстрацию нового чуда техники собралась целая толпа народа. Сосед, человек неторопливый и основательный, демонстрировал весь процесс целиком. Зайдя на несколько метров в реку, он забил в дно крепкий колышек, прикрепил к нему насос, электрический шнур и шланг аккуратно размотал и протянул наверх в огород. Подобрал лежавшую у забора «вертушку», присоединил к ней шланг, и сделал отмашку домашним, чтобы воткнули вилку шнура в розетку.

– Гудит! – раздалось от реки.

Через несколько секунд вода, добравшись до «вертушки», брызнула через дырочки крышки и тут же пропала. Просачивалась, стекала вниз, но бить фонтаном не желала. Насос выдернули из розетки, развинтили «вертушку» и обнаружили внутри полумёртвую змею. Толстую, словно нахлебавшуюся воды. Послышались женские визги и мужской хохот, несчастное пресмыкающееся вытряхнули на землю и хотели прибить лопатой, но кто-то, приглядевшись, сказал:

– Это же уж!

Незадачливый безвредный гад выглядел настолько жалко и беззащитно, что Эмма взяла его на руки и унесла в свой огород. В закутке между домом и забором, уложила на траву и даже принесла молока в старой собачьей миске. Змея не шевелилась. Эмма погладила её по темной шкуре и ласково произнесла:

– Ну, давай, моя хорошая, приходи в себя.

Когда через пару часов она заглянула в закуток за домом, то увидела, что уж – вернее, ужиха – рождает. Рожает змеи по-разному. Некоторые виды откладывают яйца, пряча их в земле, во мху или в куче сухих листьев. Удавы и некоторые гадюки являются «яйцеживорождающими». Этот неуклюжий термин придумали зоологи для обозначения странного процесса, когда яйцо развивается внутри матери. А некоторые из ужей рожают своих детёнышей наживую, но видно после происшествия с насосом этой змее роды давались с большим трудом. Эмма уселась рядом и снова принялась говорить что-то успокаивающее и гладить по шкуре. Это ли помогло, или ужиха справилась сама, но, разродившись, она уползла от своей спасительницы за забор на волю.

Прошло несколько дней. Каково же было удивление Эммы, когда работая в огороде, она вдруг заметила, что змея приползла обратно и свернулась возле её ног! Каждый раз, когда Эмма выходила в огород, где-то поблизости обязательно оказывалась благодарная ужиха. Ползала рядом или, свернувшись, лежала прямо на калошах. Но стоило в огороде показаться кому-то другому или просто громко заговорить неподалёку, как пресмыкающееся стремительно исчезало. Рассказам Эммы про вернувшуюся змею никто не верил, даже Гриша. Тогда они провели эксперимент: он остался дома и стал внимательно следить за женой из окна. Эмма вышла в огород. И через несколько минут у её ног снова ползала змея. Все лето, сначала в отпуске, а потом по выходным, Эмма так и ходила в сопровождении ужихи. Расстались они лишь осенью, когда люди уехали зимовать в далёкий и неведомый змее город. Но на следующий год спасённое пресмыкающееся приползло снова. Так продолжалось три лета, и лишь на четвёртое ужиха не пришла.

Прошло много лет. В начале 90—х, когда уже Гриши не было в живых, Эмма продала дачу, наняла машину и стала вывозить оттуда вещи. И когда уже все было погружено, почувствовала на себе чей-то взгляд. Оглянулась – никого. Ощущение того, что кто-то на неё внимательно смотрит, не пропадало. И тут она увидела на ветке ужа...

* * *

– Но ведь это не могла быть та змея! – сказал я. – Змеи, конечно, живут долго, но...

– Не знаю, – пожала плечами Эмма. – Но эта змея на ветке провожала именно меня, я в этом уверена.

4. Хеська

«Ракета», что летит по Оби, напоминает одновременно акулу и самолёт. Акулу – хищно приподнятой мордой, а самолёт – уютным салоном и мягкими креслами, которые откидываются нажатием кнопки в подлокотнике. Это вам не битком забитый теплоход, еле—еле ползущий вниз по реке и обгоняющий разве что сонно плывущие по течению большие куски сосновой коры. Если проткнуть такой кусок отверткой и воткнуть туда аккуратно оструганную «мачту», а к ней прикрепить кусочек материи, получится парусный кораблик. Развлечение моего детства.

Мне – двенадцать, мы едем с мамой на дачу. От пристани в Успенке до нашей дачи – семь километров, а по самому посёлку еще полтора, но мне нравится. Нравится идти по тропинке крутого берега, слева – обрыв высотой в три—четыре этажа, справа – сосновый бор. Когда меня отпускают в поездку одного, я всё время пытаюсь побить свой собственный рекорд скорости. Но сегодня идти вместе с мамой, значит, рекорд устоит. Тем более, она тянет меня в деревенский магазин.

Успенка – странное село. Только здесь по улицам свободно гуляют свиньи, и никто их не запирает в сарайках. Отчего так – не знаю. Свиньи мне кажутся неповоротливыми и глупыми, но ужасно симпатичными.

– Смотри, – говорит Эмма, – какая странная пара!

Навстречу нам, лениво поглядывая по сторонам, неторопливо идут большая толстая свинья и собака. Собака – мелкая. Лохматая дворняга ростом в половину своей спутницы, шерсть чёрная и лишь кончик её хвоста при рождении окунули в белую краску. Да ещё пара капель попала на лапы. Идут рядом, бок о бок, как добрые соседи – разве что не обсуждают последние деревенские новости. А, может, и обсуждают? Может, им просто для этого язык не нужен? Странная парочка доходит до большой лужи и свинья аккуратно, словно стараясь никого не обрызгать, ложится на живот в самую грязь. Вместе с ней в лужу... ложится собака. Привал. Вид у обеих довольный и самодостаточный. Забыв о магазине, мы останавливаемся и наблюдаем за этой очаровательной дружеской прогулкой. Через пару минут свинье надоедает лежать и, косясь на собаку, она ворчливо произносит:

– Хрю—хрю—хрю.

– Тяв! – отвечает та, и обе одновременно встают и идут дальше.

– У нас кошка жила, – неожиданно начинает рассказывать мама, – Хеська. Это после войны было, на Кубани. В один год взяли мы уток из инкубатора, маленьких совсем. Отгородили им в доме место, и бабушка Поля велела мне присматривать за птицей. Что-то я во дворе делала, возвращаюсь в дом – нет утят. Куда подевались? Весь дом обегала – нигде не нашла. Думаю, может дверь забыла затворить? Так и во дворе их нет. Бабушка приходит – я реву: мол, так и так, пропали утята, колдовство какое-то. Та на меня шикнула, пошла искать в доме. Нашла. У нас такой шкаф стоял – огромный, на высоких ножках. Так вот под шкафом лежит Хеська и обнимает лапами утят. А они, махонькие, в её тёплую шерсть уткнулись, греются. Я давай их доставать, а Хеська крысится: царапает руки, не даёт забирать. Так и вырастила их! Со двора выходят: впереди кошка, за ней утята: вся станица приходила смотреть на этот цирк. А когда первый раз они в воду полезли, Хеська чуть с ума не сошла. Бегает вокруг, орёт благим матом. Потом ничего, привыкла. Доведёт до воды, уляжется рядом и наблюдает, как птицы плавают. Однажды собака близко подошла, так едва утащила от Хеськи ноги. Не кошка – тигрица разъярённая, чуть глаза псу не выцарапала. А потом наступила поздняя осень или зима – не помню уж. И выросших уток мы зарезали... Целые сутки Хеська орала так, что приходили соседи и спрашивали, что мы делаем с кошкой. Потом забила под шкаф и несколько дней из-

под него не вылезала. А когда всё же выбралась, бабушка Поля решила задобрить её и положила в миску мясо. То самое, утиное, другого у нас не было. Вечно голодная наша послевоенная Хеська подошла к миске, понюхала, развернулась и ушла. Отказалась есть.

Магазин оказался закрыт. Мы повернули назад, к берегу и, дойдя почти до пристани, вновь увидели знакомую пару: большую толстую свинью и маленькую лохматую собачонку. Они лежали прямо на тропинке, друг подле друга и задумчиво смотрели на реку. А мне вдруг подумалось, что поздняя осень уже не за горами...

Неестественный отбор

Одноэтажный барак – длинная деревянная гусеница, ползущая в гору – остался в городе от японцев. Вместе с жилым строением в гору ползли небольшие сараи, уличные туалеты и грядки—огороды – у каждой семьи имелся свой выход на улицу и свой маленький дворик. Барак был маленькой копией послевоенного мира – мира в его ином, толстовском понимании, через букву *i*. Мира, отменённого в 1918 году орфографически и уже совершенно утраченного ныне по духу.

Здесь, на самом краю света, огромный и неповоротливый динозавр, казалось бы, издохший три десятилетия назад в огне первой мировой и гражданской, очнулся, взмахнул хвостом и одним движением смёл с южной половины острова японскую армию вместе с переселенцами. Остались только дома и двери. Дома вскоре приобрели совершенно русский вид: слегка неопрятный, но весёлый и разухабистый, а вот двери так и остались японскими – раздвижными. Это в России они открывались настежь, распахивая перед окружающим миром нараспашку душу: и светлое, и тёмное, и тысячу промежуточных оттенков в ней. В Японии обнажать душу прилюдно так же стыдно, как ходить голым по улице. Японец следует кодексу чести и хранит лицо, и двери там разъезжаются в стороны и съезжаются вновь, словно два самурая в ритуальном поединке.

Деревянная гусеница барака тащила в будущее два десятка семей: рабочие, служащие, студенты, рыбаки. . . Морской порт, расположенный неподалёку, беспрерывно курил трубы пассажирских и рыболовных судов. Может поэтому Антон, одиннадцатилетний молчаливый подросток, думал, что отец его был если не капитаном, то уж моряком – точно. Настоящий отец, а не те сменявшие друг друга отцы временные, сожители пьющей матери. Мир имел об этом другое мнение и не стеснялся его высказывать в разговорах между собой, а иной раз и матери в лицо, попрекая разгульной жизнью и почти ежедневным пьянством. Её «под сорок» в паспорте выглядели «за пятьдесят» в зеркале.

– На свои пью! – огрызалась она.

«Пить на свои» – последняя гордость пьяницы, когда никаких других причин гордиться собой уже не осталось. Здесь, на Сахалине, таких называли богодулами. Откуда пошло странное слово это, никто не знал, но чудились в нём и нарочито показанная миру дуля, и горькая отверженность от Бога и ещё что-то, совсем уже тёмное, паучье. Есть люди, которые живут, так и не родившись – она была как раз из таких. Удивительно, но Антон, внешне очень схожий с матерью, насколько со своей матерью может быть схож мужчина, характером уродился полной ей противоположностью. Он был тихий и светлый, и как бы ни от мира сего. Для него естественным оказывалось обращать внимание на вещи, которые обычным людям и в голову не придут. Например, научиться распознавать гудки, доносившиеся из морского порта и каждому из них придумать собственную историю. Или составить карту сокровищ, зарыв их на необитаемых островах Тихого океана, а на самом деле – в соседских дворах—огородах при японском бараке.

В семье богодулов случались периоды затяжного безденежья, когда мать выгоняли с работы, и она надолго погружалась в поисках новой на дно бутылки. Отсутствие денег никогда, впрочем, не приводило к отсутствию водки – это закон русского пьянства, бессмысленного и беспощадного. Потому что пьянство на Руси испокон веку было разновидностью бунта. Против чего? Да кто ж его знает. . . Может быть, против судьбы. А может быть, против себя. В такие периоды есть дома было нечего, и Антон кормился в миру, чаще всего у своего школьного приятеля Володи и его старшей сестры—студентки, снимавшей квартиру в том же бараке.

В 195... году деревянная гусеница барака вползла в первый летний субботний день с шумом, визгом и криками. В бараке травили крыс. Крысы – животные умные, агрессивные и хитрые, мало кто знает, что их на Земле больше, чем людей. Когда человеческая цивилизация исчезнет, они займут наше место, им надо только подождать. В подвалах и сараях был разложен крысиный яд, на улицу, где толпился народ, выползали очумелые полудохлые животные, женщины отчаянно визжали, мужчины азартно добивали ненавистных грызунов: кто палкой с гвоздём, кто лопатой... Шла борьба видов, естественный отбор в рамках одного отдельно взятого барака. Неожиданно маленькая субботняя бойня стала предметом гордости богодулов. Во-первых, это сожитель матери достал по знакомству импортный яд для травли грызунов – не то японский, не то американский. Во-вторых, сам определил «направление удара» и разложил его по сараям и бараку. И теперь чувствовал себя главнокомандующим в день решающего сражения: бегал по дворам, квартирам и сараям, отдавал приказы и проверял каждую дохлую крысу. Мать Антона была в тот день трезвой как стеклышко. Она молча стояла у ограды, следя за перемещениями своего мужчины и чувствовала себя женой Наполеона. Она даже выглядела в этот день значительно моложе обычного, и чудом уцелевший во времена пьяных распродаж яркий цветастый платок укрывал её волосы, а губы были покрашены впервые за последние месяцы.

Сам мальчишка во всеобщей суете участия не принимал. Отыскав в одном из дворов местечко потише, он устроился там, по привычке принявшись фантазировать и не обращая внимания на войну с грызунами. Крысы были ему неприятны, а мёртвые крысы – в особенности. Он слышал, как взрослые наказывали не прикасаться к ним, чтобы не подцепить отраву и не отравиться. Взрослые и собак с котами убрали подальше, а кто держал в сарайках кроликов или птицу временно эвакуировали их с «военной территории». Война нашла мальчишку сама. Кто-то – кажется вездесущий в тот день сожитель матери – отфутболил лопатой одну из полудохлых крыс прямо к ногам Антона. Только что мальчишка плыл с отцом на океанском лайнере где-то в Южном полушарии, а через мгновение рядом с ним шлёпнулось что-то тяжёлое и мерзкое. Огромная полуживая крыса лежала на спине, прижав к себе лапками крошечного детёныша, и смотрела мальчишке прямо в глаза.

– Руками не трожь! – раздался остерегающий окрик отчима. – Ща я её окочурю, гадину.

Он надвигался от дома, от разъезжающихся в стороны дверей, словно японский самурай, только вместо меча в руках у него была лопата. Он был воином, бойцом, рыцарем, сражающимся за человечество. Где-то далеко, на окраине человеческой цивилизации, через два двора от этого, его ждала верная жена и слава, и почести, и пир во имя победы... Он уже занёс свой «меч» над головой поверженного врага, когда странный мальчишка этот, предатель рода человеческого, подхватил в руки крысу и, сорвавшись с места, понёсся что есть духу со двора.

– Стой!! – неслось ему в спину – Убью сволочь! Ну, ты вернёшься у меня домой, гнидённыш, ох, тля, вернёшься!

Прошло лето, сыгран был последний день августа на театральной сцене года и к земле полетел занавес из разноцветных листьев. «Война с крысами», сыгранная в первом акте, давно забылась, у мира было достаточно более важных дел. Не забыли о ней только у богодулов. Локальное сражение естественного отбора обрело у матери Антона и её сожителя Фёдора характер эпопеи, третьей отечественной, важнейшей вехи семейной жизни. Жалкое и ущербное «На свои пью» сменилось уверенным и обвиняющим:

– Как крыс травить, так мой Федя!

«Её Федя», словно ветеран войны, предавался теперь воспоминаниям о битве, украшая их всё новыми и новыми героическими подробностями. Число уничтоженных в бараке крыс стремительно приближалось к числу всех крыс города и вскоре грозило его превзойти. И эпи-

зод с «предательством» Антона органично вписался в нарождающийся миф – война без предательства и не война вовсе, а так, пресная захудалая драка.

– У—у—у, Иуда, – ласково говорил пасынку Фёдор и давал лёгкий отеческий подзатыльник. – Дурак ты, и уши у тебя холодные. То ж крысы! От их вся зараза в городе. Или мы их, или они нас. Естественный отбор, понял?

Последние слова давались ему легко, словно он знал их всю жизнь, а не услышал пару месяцев назад от соседа—учителя. Антон подзатыльники сносил легко, без обиды, как должное. Он даже согласен был с отчимом, что крысы – враги человеческие. И не место им в ползущем в счастливое будущее отдельно взятом японском бараке. Всем, кроме одной.

– Куда врага дел, Тонкий? – допытывался Фёдор.

Тонкий – это от Антонки, так звала обычно мать.

– Выбросил, – бурчал в ответ мальчишка.

– И не добил? – этот вопрос пьяный Фёдор вбивал словно гвоздь – с размаху, одним выдохом—ударом молотка.

– Нет.

– От же дурень! Мать, а, мать, ты слыхала? Не добил!

– Чего ты в мальчишку репъём вцепился? – откликнулась мать. – Сплоховал он, со всяким бывает. В следующий раз пришибёт, правда, Антонка?

Ей было почти хорошо: муж—герой учил уму—разуму сына, всё как в нормальной уважаемой семье. А Антон молча кивал, не обращая внимания на слова—мотыльки взрослых: в одно ухо влетели, в другое – вылетели.

Тёплый разноцветный листопад сменился вскоре бесконечно—нудным дождиком. Антон пошёл в шестой класс, мать в очередной раз уволили по статье, и есть в доме стало нечего. Спасал мир и взрослая сестра одноклассника Володи. Когда дома гуляли особенно шумно, он оставался у них ночевать. Как-то раз ночью Володина сестра, девушка лет двадцати, вернулась за тетрадкой с лекциями в комнату, где устроились спать мальчишки, включила свет и... Визг её был настолько громким, что весь барак – от головы до хвоста – вздрогнул и проснулся. Разъехались в стороны японские двери, на улицу выскочили мужчины, и Луна на небе перевернулась с боку на бок посмотреть, что же такого ужасного происходит внизу.

Огромная крыса, лежавшая на одеяле рядом с Антоном, нехотя спрыгнула с кровати и неторопливо направилась к печи, за которой обнаружилась недавно выгрызенная острыми зубами дыра.

– Антон! – побелевшими от испуга губами произнесла девушка. Она уже догадалась, что гигантский грызун появился в её квартире не просто так. – Что всё это значит?!

Мальчишка виновато шмыгнул носом.

– Неестественный отбор, – вздохнул он.

И тут же добавил жалобно:

– Ты только не ругайся, а? Она не такая как все остальные крысы. Она – хорошая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.